

- 2 МАИ 1984

1984

2207

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

СОЛОВЬИ, СОЛОВЬИ...

Из интервью писателя Василия Пескова, которое он брал у маршала Жукова.

Вопрос: Георгий Константинович, сейчас, пожалуй, самый подходящий момент передать вам дружеский подарок моих товарищей — журналистов «Комсомольской правды». Это пластинки. В одной коробке пластинки с голосами птиц Подмосковья. В другой — песни времен войны. Не могли бы вы к этому случаю назвать несколько своих любимых песен?

Жуков: Мои вкусы, я думаю, не расходятся со вкусами многих людей: «Вставай, страна огромная...», «Дороги», «Соловьи». Это бессмертные песни! А почему? Потому что в них отразилась большая душа народа.

АВТОР СЛОВ последней песни — Алексей Иванович Фатьянов. С ним нас связывала давняя, тесная дружба. В 1949 году я поступил работать в газету «Комсомольская правда». Примерно в сентябре позвонил земляк писатель Сергей Никитин: «Весь день в редакции будешь? Мы приедем». С кем? Не сказал. Думал, кто-нибудь из друзей-владецов. И вот часу в пятом вечера раздался робкий стук в дверь, и на пороге кабинета появился улыбающийся Сергей Константинович, а с ним — высокий, сажень в плечах, русоголовый незнакомец.

— Будем знакомы, Алексей Фатьянов, — подал он руку.

Так вот, оказывается, какой ты, Алексей Фатьянов, чьи песни поет вся страна! Заочно с тобой я уже давно знаком. 1943 год. Нашей роте предстояло совершить длительный марш-бросок. С полной солдатской выкладкой форсировали реку, взбирались на крутые сопки, пробирались сквозь нетронутую тайгу. Бойцы от усталости валялись с ног. Показалась огромная поляна, заросшая густой, в рост человека, травой.

— Привал! — донеслась команда.

Кто где был, так кулем и опустился на землю. Слипались глаза, чертовски хотелось спать... И вдруг на другом конце поляны чистый, звонкий голос запел задорную песню:

На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь...

Песню подхватили сразу несколько голосов:

Играй, играй, рассказывая,
Тальяночка сама
О том, как черноглазая
Свела с ума...

Усталость как рукой сняло. Мелодия и слова песни завладели солдатскими сердцами. Вспомнились дом, плакучие ивы над сонным прудом, луча в небе, в саду трель соловья. В центре села под гармонь выбивает частую дробь та, что милее всех на свете. Вскинет гордо голову, поведет руками, точно птица крылом, приотпнет в середине круга ногой и споет частушку про дроблю, который бродит у ворот, спать девчонке не дает. Песня ворвалась в душу, прибавила сил.

Слова песни принадлежали Алексею Фатьянову. Я тогда, более тридцати пяти лет назад, не знал, что он мой земляк — владимирец, родился спустя два года после выстрела «Авроры» в небольшом се-

ле Малое Петрино, что под Вязниками.

И вот теперь он, большой и красивый, сидит передо мной и неловко перебирает пальцами. Узнав, что я родился в ополке между Суздалем и Юрьев-Польским, негромко роняет: «Прекрасные хлебные места. А на моей родине леса, сады вишневые» — и, как бы спохватившись, предложил: «Давайте махнем во Владимир». В субботу он позвонил по телефону: «Не раздумал ехать на родину?».

Во Владимире почти каждый встречный здоровался с Алексеем Ивановичем, а более близкие подолгу трясли руку, чувствовалось, что здесь его знают и любят, рады его приезду. И неудивительно: ведь Фатьянов в то время был уже знаменит, его песни «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Давно мы дома не были», «Перелетные птицы», «Наш город», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «На крыльчике твоём», «В городском саду» и десятки других пели в разных уголках нашей необъятной страны. На слова Фатьянова писали музыку Василий Соловьев-Седой, Борис Мокроусов, Никита Богословский, Юрий Милютин, Анатолий Новиков и многие другие. Песни, написанные на слова Алексея Ивановича, едва родившись, становились очень популярными. Особенно в этом смысле повезло «Соловьям» — любимой песне маршала Жукова. Я несколько раз пытался вывести у Фатьянова, как была написана эта песня, но он отмалчивался. Вообще он избегал разговора о своем творчестве, никогда не делился своими планами. Только однажды, когда я, вернувшись из Вьетнама, пришел к нему на квартиру и подарил мундштук из слоновой кости, он нехотя признался: «Вторую неделю ищу строчку и никак не могу найти. Чувствую, что где-то близко летает, в руки не дается». Он тогда сочинял слова песни для кинофильма «Весна на Заречной улице».

Как родились «Соловьи», я узнал от композитора Василия Павловича Соловьева-Седого. В конце войны Алексей Иванович попал в действующую армию. Наши войска в то время освобождали Венгрию. Фатьянов стал командиром танка. Его машина героически ворвалась в город Секешфехервар. За этот подвиг ему предоставили творческий отпуск. Поэт приехал в столицу. Здесь он встретился с давним своим другом композитором Василием Павловичем Соловьевым-Седым, прибывшим из Ленинграда. Алексей Иванович в новенькой гимнастерке, с боевыми наградами на груди. Он привез тексты песен, написанных на фронте. Среди них «Соловьи» и «Ничего не говорила». Как утверждает композитор, стихи сами просились на музыку. И он в тот же день написал ее. Тут же Соловьев-Седой исполнил песню соседям по гостинице на фортепиано. Песня понравилась, ее тут же подхватили. Но когда песню стали показывать на радио, то начались трения. Требовали изменить последнюю строчку припева: «Пусть солдаты немного поспят...» Возражали: «Война, а мы солдат спать призываем». Фатьянов не сдался, не отступил.

Я впервые услышал «Со-

ловьев», когда демобилизованный возвращался с Дальнего Востока. В нашем вагоне оказался гармонист. Однажды он растянул меха тальянки... и мелодия песни захватила всех. Смолкли разговоры. А бывший солдат пел:

Пришла и к нам на фронт

весна,

Ребятам стало не до сна —

Не потому, что пушки бьют,

А потому, что вновь потют,

Забыв, что здесь идут бои,

Поют шальные соловьи.

После второго куплета припев «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят» пел уже весь вагон. На следующий день пел уже весь эшелон. С «Соловьями» поезд подошел к перрону Ярославского вокзала Москвы.

После войны, в 1956 году, группа писателей приехала на встречу к читателям в подмосковный колхоз «Серп и молот». Фатьянов читал свои стихи, спел, а зал подхватил: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?». Алексей Иванович, высокий, красивый, стоял на сцене и дирижировал.

Колхозные артисты приготовили для гостей небольшой концерт. На сцену вышла девушка с широкой улыбкой и громко объявила, что сейчас хор исполнит песню «Соловьи» композитора Соловьева-Седого, слова народные. Я толкнул Фатьянова в бок. Он сидел сдержанно и не ответил. Когда песню спели, я напомнил: «Леша, слова-то ведь твои». Он улыбнулся и шепотом ответил: «Не беда, с народом можно славою делиться».

В памяти восстанавливается еще такая картина. В деревню Суай Зут, спрятавшуюся в джунглях Северного Вьетнама, я приехал вечером. С трех сторон — угрюмые горы, а рядом — берег шумливой речки. В окнах домов светились огни, а под бамбуковым навесом при свете копилки играли в настольный теннис.

Председатель административного комитета, молодой парень с большим открытым лбом и узкими глазами встретил меня в своем кабинете.

— Нгиен, — представился он. — Присаживайтесь.

Нгиен подкрутил фитиль лампы. Ярче вспыхнул свет. На столе появились термос, чашки. Разливая чай, Нгиен произнес несколько застенчиво:

— Наша деревня ничем не знаменита. Охотимся, выращиваем рис.

Рассказ прервала песня, которая донеслась из соседнего дома.

— Молодежь к празднику готовится, — усмехнулся председатель. — Хотите послушать?

Минут через двадцать мы были в доме, где собрались юноши и девушки. Наш приход прервал песню. Председатель административного комитета дал знак продолжать репетицию.

Сделали небольшой перерыв. Потом дирижер, невысокий парень, взмахнул бамбуковой палочкой — и полилась мелодия песни «Соловьи». Фатьяновские «Соловьи» на земле братского Вьетнама. У меня перехватило горло, на глазах навернулись слезы. Далеко, далеко залетели вы, «Соловьи», от своей Родины!

Юрий ФАЛАТОВ